JEL classification: N10, O33, P51
УДК 338.124.4:930.85
DOI 10.17150/2308-2488.2026.27(4).601-631

Д.А. Мачерет
Российский университет транспорта (МИИТ),
г. Москва, Российская Федерация

«Темные века» Древнего мира и Средневековья и их роль в социально-экономической истории

Аннотация. В статье проведен анализ феномена «темных веков» с фокусированием внимания на их социально-экономических причинах и последствиях на примере «темных веков» Древнего мира и Средневековья. Рассмотрены их причины, особенности и результаты, отмечены общие черты и специфика. Выявлено, что важное значение для выхода из периода «темных веков» и дальнейшего прогрессивного развития имела реализация технологических инноваций. Отсутствие проявления феномена «темных веков» после завершения раннего Средневековья трактуется как следствие не только ускорения исторического развития, благодаря которому все социально-экономические процессы, включая протекание кризисов и посткризисного восстановления, происходят быстрее, но и снижения «хрупкости» человеческой цивилизации. Раскрыто принципиальное отличие кризисов, порождавших «темные века», от периодических экономических кризисов эпохи модерна, а также показана специфика «преимущества отсталости» в традиционном обществе и в обществе модерна. На основании анализа феномена «темных веков» сделан вывод о том, что эпохальные события экономической истории, не являющиеся периодическими, в то же время не случайны и, в принципе, не уникальны. Они могут происходить при схожем сочетании действующих факторов в разных регионах мира в разное время.

Ключевые слова. Социально-экономическая история, кризис, «темные века», Древний мир, Средневековье, инновации, «преимущество отсталости».

© Мачерет Д.А., 2026

Информация о статье. Дата поступления 17 сентября 2026 г.; дата принятия к печати 13 ноября 2026 г.; дата онлайн-размещения 26 ноября 2026 г.

D.A. Macheret
Russian University of Transport (MIIT), Moscow, the Russian Federation

The "Dark Ages" of Antiquity and the Middle Ages and Their Role in Socioeconomic History

Abstract. The article examines the phenomenon of the "Dark Ages," focusing on their socioeconomic causes and consequences, as exemplified by periods traditionally designated as the "Dark Ages" in Antiquity and the Middle Ages. It explores the causes, distinctive features, and outcomes of these periods, identifying both their common characteristics and specific differences. The study demonstrates that the adoption and implementation of technological innovations played a crucial role in overcoming the "Dark Ages" and facilitating subsequent socioeconomic progress. The absence of comparable "Dark Ages" following the end of the Early Middle Ages is interpreted as a consequence not only of the acceleration of historical development, which has shortened the duration of socioeconomic processes, including crises and post-crisis recovery, but also of the declining vulnerability of human civilization. The article highlights the fundamental differences between the crises that gave rise to the "Dark Ages" and the recurrent economic crises of the modern era. It also examines the distinctive manifestations of the "advantages of backwardness" in traditional and modern societies. Based on an analysis of the "Dark Ages" phenomenon, the study concludes that epoch-making events in economic history, although non-recurrent, are neither entirely accidental nor inherently unique. Such events may occur in different regions of the world at different times when similar combinations of underlying factors are present.

Keywords. Socioeconomic history, crisis, "Dark Ages", antiquity, Middle Ages, innovations, "advantages of backwardness".

Article info. Received September 17, 2026; accepted November 13, 2026; available online November 26, 2026.

Введение

Концепт «темные века» начал формироваться в европейской историографии в эпоху Возрождения и получил развитие в эпоху Просвещения [1]. Он служил для противопоставления этих эпох как «эпох света» Средневековью как «эпохе мрака», то есть понятие «темные века» изначально было метафорически и эмоционально нагруженным. Впоследствии его стали относить не ко всему, а лишь к раннему Средневековью. Это понятие стало также широко использоваться применительно к периоду древнегреческой истории, разделяющему микенскую эпоху и эпоху древнегреческих полисов [2].

Понятие «темные века» используется применительно и к другим историческим периодам, и к иным регионам. В частности, к периоду индийской истории после гибели Хараппской цивилизации в долине Инда, произошедшей в середине II тыс. до н.э.; к упадку цивилизации майя в конце I тыс. н.э.; к трем десятилетиям истории Парфии в первой половине I в. до н.э., от которых не сохранилось письменных источников; к периоду истории Камбоджи после крушения Анкгорского государства в первой половине XV в. Рассмотрение этих качественно разнородных примеров, имеющих географически локальный характер и не оказавших очевидного значимого влияния на мировую историю, не является предметом данной статьи.

Таким образом, «темные века» являются не единичным событием в мировой истории, но и не одним из периодически возникающих глубоких социально-экономических кризисов.

Феномен «темных веков» можно охарактеризовать как последовавший за системным кризисом длительный и охватывающий значительную территорию период социально-экономического и культурного регресса, проявляющегося, в частности, в:

– радикальном снижении уровня социального развития, упрощении социально-экономической организации;

– существенном сокращении численности населения и деурбанизации;

– кардинальном ухудшении коммуникаций и снижении объемов торговли, натурализации хозяйства;

– резком снижении уровня образования (грамотности) населения, примитивизации художественного творчества.

Современное нарастание глобальных социально-экономических проблем делает актуальным анализ «темных веков» как феномена мировой истории, а не просто периодов упадка конкретных регионов, с фокусированием внимания как на социально-экономических причинах, так и на последствиях «темных веков».

«Темные века» Древнего мира

Первый в истории человечества период, для которого используется понятие «темных веков», — конец II — начало I тыс. до н. э. Он разграничивает раннюю и позднюю Древность [3], бронзовый и железный века [4] и служит прологом к «осевому времени» — эпохе, имевшей ключевое значение для дальнейшего развития человечества и становления современного мира [5].

«Темные века» Древности последовали за кризисом и коллапсом обществ бронзового века на Ближнем Востоке и в Восточном Средиземноморье, произошедшем в конце XIII–XII вв. до н. э. Эти общества характеризовались сосуществованием государственного и общинно-частного секторов экономики (причем государственный сектор чаще доминировал), незначительной ролью местного обмена и значительной — дальней торговли [6]. Особенно важное значение имела дальняя торговля оловом — ключевым компонентом для выплавки бронзы [4; 7]. Крупные дворцо-

вые хозяйства, управлявшиеся царскими чиновниками, которые создавали обширные реестры имущества, запасов и хозяйственных операций [8; 9], со временем становились все менее эффективными — срабатывал «закон убывающей административной отдачи» [10]. Крестьянские общины были обременены высокими налогами, выплачиваемыми в натуральной форме; деятельность ремесленников и торговцев в значительной мере была связана с обслуживанием нужд государственного сектора экономики, дворцовых хозяйств [6; 9; 11]. Все это ограничивало возможности для предпринимательской активности и внедрения инноваций. В результате рост производительности труда был крайне низким, в сельском хозяйстве она могла даже снижаться из-за истощения почвы. Соответственно, «рост прибавочного продукта … сильно замедлялся и даже приостанавливался» [6, с. 44]. Сочетание низкой хозяйственной эффективности и значительной взаимозависимости в условиях преобладания дальней торговли делало социумы позднего бронзового века весьма «хрупкими», и они не выдержали серьезного кризиса конца XIII — начала XII в. до н. э., который привел к их крушению.

Этот кризис носил системный характер и был вызван сочетанием действия ряда факторов, таких как [6; 7; 12]:

– неэффективность государственного сектора экономики;

– природно-климатические катаклизмы (засуха, землетрясения);

– голод;

– внутренние восстания;

– массовая смена людьми места жительства и сокращение численности населения;

– внешние миграции и иноземные вторжения;

– нарушения в системе международной торговли.

При этом указанные факторы влияли друг на друга, усугубляя негативные последствия, а разрушение

социумов, затронутых кризисом в первую очередь, в условиях их значительной взаимозависимости являлось ударом для остальных [12]. Важнейшим моментом в развертывании системного кризиса стал кризис, а затем и коллапс централизованного управления и государственного хозяйства, игравшего ключевую роль в экономике государств бронзового века. Иноземные вторжения и внутренние восстания, видимо, лишь завершили эти процессы [9; 12].

Результатом коллапса стало разрушение городов, дворцов и дворцовых хозяйств, уменьшение численности населения, примитивизация ремесла и искусства, резкое сокращение количества письменных источников, что и дает основание называть наступивший период «темными веками». Уровень социального развития Ближнего Востока и Восточного Средиземноморья вернулся к показателю шестисотлетней давности и для его восстановления потребовалось около 500 лет [4; 7]. Таким образом, «темные века» опустились не только на Грецию, а на весь макрорегион древнейших цивилизаций. Однако, если наиболее древние цивилизации — Египта и Месопотамии — устояли, то не имевшие столь мощного цивилизационного фундамента Хеттское царство в Малой Азии и Микенская Греция рухнули. Учитывая особую, исключительно важную роль, которую Греция в дальнейшем сыграла в древней истории и глобальном социально-экономическом развитии [13; 14], следует остановиться на особенностях Микенской Греции, ее крушения и греческих «темных веков», которые не случайно выделяются в историографии [15].

Микенская Греция была цивилизацией «городов-государств, напоминавших месопотамские: та же власть обожествленного царя, то же громадное царское хозяйство, та же масса полурабов и горы хозяйственной отчетности. Но, в отличие от Месопотамии, … микенская… цивилизация была эфемерна: ею

был затронут лишь узкий круг царей и воинов, живших в городах-замках с циклопическими стенами и эксплуатировавших окрестное население… Это была цивилизация ничтожного меньшинства» [8, с. 344].

Общества бронзового века, существовавшие в Египте, Месопотамии, Сирии, сформировались в ходе начавшейся еще в меднокаменном веке и продолжавшейся несколько тысячелетий эволюции. Поэтому, несмотря на фактор миграций и вторжений, игравший особенно значимую роль в Месопотамии, находившейся на перекрестке многочисленных путей как торговли, так и миграций, сложившиеся в местных условиях социальные структуры и экономические отношения были там глубоко укоренены. Микенское общество сформировалось только во II тысячелетии до н. э., после завоевания юга Балканского полуострова племенами ахейцев. Социум и экономика Микенской Греции, сформированные скорее «сверху», чем «снизу», были гораздо более «хрупкими», по сравнению с Месопотамией или Египтом. Социально-экономическая база Микенской Греции была шаткой, а внутренние противоречия — острыми [8].

При ухудшении условий внешней торговли, от которой хозяйство Греции уже в то время зависело сильнее, чем экономики стран Ближнего Востока, по-видимому, сократились объемы ресурсов, контролируемых ахейской элитой, что послужило предпосылкой к экономическому регрессу и закату роскошной дворцовой жизни. Выход ахейская элита попыталась найти во внешней экспансии, что нашло отражение в поэмах Гомера и было подтверждено впоследствии археологическими раскопками легендарной Трои. Эта экспансия стала роковой для страны, окончательно подорвав силы ахейского общества и возможности для сохранения дворцовой экономики и общественного устройства [8; 9]. В результате его краха «численность населения Греции резко сократилась; были заброшены

города; прекратилось каменное строительство; внешние торговые связи были прерваны; искусство письменности утрачено; экономическое и культурное развитие отброшено на несколько веков назад» [16, с. 274].

Но крушение постигло, по сути, лишь систему централизованного руководства, дворцовую экономику и все, что с этим было связано: города-крепости, служившие местами обитания элиты; производство предметов роскоши для нее; дальнее мореплавание, обеспечивавшее обогащение верхушки за счет торговли, пиратства и военных походов; письменность, которая была инструментом не накопления и распространения знаний, а лишь строгого учета и контроля хозяйства. Все эти впечатляющие достижения Микенской Греции были, скорее, прессом, давившим на экономику и общество, чем двигателем развития.

Важно, что в Греции сохранились основные приемы ремесла, в том числе ключевого в ту эпоху — изготовления керамики на гончарном круге, сохранились и развивались приемы ведения сельского хозяйства, в том числе в таких особенно важных для страны отраслях, как виноградарство и выращивание оливок [4]. Самое же главное явление периода «темных веков», имевшее в полном смысле слова всемирно-историческое значение, но совершенно особым образом повлиявшие на развитие экономики и общества именно Греции — это начало широкого использования железа.

Железо было известно и до коллапса обществ ранней древности, но его широкое распространение произошло после и вследствие их краха. Это было обусловлено двумя причинами, совместное действие которых дало синергетический эффект и открыло дорогу наступлению железного века. Первая причина заключалась в том, что в условиях нарушения дальней торговли оловом замена бронзы железом стала жизненно *необходимой* [7]. Вторая — в том, что возникла *возможность* такой замены. Технология выплавки же-

леза была известна и использовалась в Хеттском царстве еще примерно за два столетия до начала кризиса обществ ранней древности, но «хеттские цари ревниво оберегали эту доходную монополию» [6, с. 46]. После крушения хеттского государства владевшие технологией выплавки железа кузнецы стали расселяться по окрестным странам [17]. При этом выяснилось, что железная руда широко распространена, так что на Ближнем Востоке, в Восточном Средиземноморье, а затем и в других регионах развернулось производство и использование железа и изделий из него, которые из предметов роскоши, коими они были в конце бронзового века, стали общедоступными.

Использование железных орудий повысило производительность труда в сельском хозяйстве, позволило успешно обрабатывать тяжелые и каменистые почвы. Соответственно, возрос прибавочный продукт, необходимый, в том числе, для существования и роста городов. Крестьяне, оснащенные железными орудиями, объективно могли быть менее зависимыми от государства и крупных хозяйств [4]; располагая излишками продукции с одной стороны и нуждаясь в новых железных орудиях и иной утвари — с другой, они вовлекались в обмен товарами, становясь частью «великого общества» [17].

Эти фундаментальные результаты широкого использования железа имели разные последствия в Передней Азии и в Греции. В Передней Азии в результате увеличения обрабатываемых земель и продуктивности сельского хозяйства, развития местного обмена и разделения труда между деревней и городом, где ремесленники служили уже не только потребностям дворцовой элиты, но и удовлетворяли спрос крестьян и простых горожан, развитие экономики и общества вышло на качественно новый уровень [там же]. Цивилизация на Ближнем и Среднем Востоке получила прочную основу, там исчезла социально-экономическая «хрупкость» — условие наступления «темных ве-

ков». В то же время, кардинальной социальной трансформации в этом регионе не произошло: организация общества железного века была подобна существовавшей в ранней древности [4; 11; 16]. Это связано с тем, что «народы Передней Азии и Египта … имели прочные традиции иерархической государственности с достаточно разветвленным и централизованным государственным аппаратом» [13, с. 61]. Крах государств бронзового века не подорвал в указанном регионе эти «традиции» и самый главный, базисный общественный институт — «власть-собственность», подробно описанный в [10; 14].

Совсем другие, радикальные, последствия имело распространение железа в Греции, где весьма близкие с ближневосточными общественные структуры и институты не успели в микенский период глубоко укорениться, и, будучи разрушенными в результате наступившего коллапса, затем не восстановились. Общество вернулось на предгосударственную ступень, чему способствовали и мощные миграционные процессы.

Использование железных орудий труда позволило существовать небольшим частным хозяйствам, а удешевление железного оружия дало возможность рядовым общинникам приобретать его полный комплект. Это стало предпосылкой возникновения принципиально новой формы общественной организации — полиса, что может быть охарактеризовано «как очень серьезная социополитическая мутация» [14, с. 32]. Полисная общественная организация характеризовалась «монополией землевладения внутри гражданского коллектива, гражданским ополчением как основной военной силой и институционализированным участием полноправных граждан в управлении» [13, с. 244]. Принципиальным отличием полиса от социальных структур бронзового века и типологически близких к ним, существовавших и в железном веке, было то, что

он «создавался не для высшей власти, имевшей право редистрибуции коллективного достояния, а для граждан» [14, с. 33]. В условиях полисной организации общества «развивалась частная собственность и личная инициатива, … разрушались родовые формы быта» [13, с. 63]. В сочетании с использованием железных орудий труда это обеспечило Греции экономический подъем. Она демонстрировала исключительно высокую динамику социально-экономического развития [11] и, в частности, стала лидером в области железной металлургии [8].

В свою очередь, экономический рост уже в начале I тыс. до н.э. породил демографический подъем [11; 13], что способствовало дальнейшему успешному социально-экономическому развитию, а также началу греческой колонизации побережий средиземноморского бассейна, направленной, в том числе, на снятие избыточного демографического давления. Впоследствии обширный греческий мир будет постепенно поглощен Римской республикой (затем — империей), выросшей в течение многих веков из первоначального города-государства, имевшего существенные особенности по сравнению с греческими полисами, но и типологическое сходство с ними [8; 10; 13]. Это позволяет использовать такие понятия, как «греко-римская цивилизация» и «античное общество».

При том, что на территории более древних цивилизаций использование железа не привело к столь значимым социально-экономическим изменениям, как в Греции, железный век, наступивший в период «темных веков» Древнего мира, имел чрезвычайно значимые долговременные последствия для всего человечества. Прежде всего, несмотря на сужение ареала цивилизаций сразу после наступления «темных веков», в течение первых пяти столетий железного века этот ареал расширился больше, чем за полтора тысячелетия бронзового века, и при этом цивилиза-

ция укоренилась гораздо глубже [4]. Но главное — в наступившее после завершения «темных веков» «осевое время», обычно датируемое периодом 800–200 гг. до н. э., цивилизация стала иной. Стремление людей на огромных пространствах, от Средиземноморья до Китая, осмыслить происходящие изменения и свое место в меняющемся мире привело к ряду «религиозных или религиозно-философских переворотов», а «в Греции радикальные сдвиги охватили все стороны культуры… Общей причиной примерно одновременных идейных сдвигов в очень различных обществах… явилось распространение железа и связанные с этим социальные потрясения» [13, с. 244].

«Осевое время» нашло свое продолжение в высшей фазе развития Древнего мира, когда в период II в. до н. э. — II в. н. э. завершилось формирование взаимосвязанной евразийской ойкумены, простиравшейся от побережья Атлантики и Средиземноморья до Индии и Китая [17], и были достигнуты наивысшие для Древнего мира показатели социального развития [7].

Но этим долгосрочные последствия широкого распространения железа не исчерпываются. Примечательна оценка Дж. Мокира, согласно которой железный век окончательно вступил в свои права лишь к середине XIX в. [18], т.е. в период развертывания индустриализации, в эпоху «железа и пара», когда синергия этих компонентов промышленной революции стимулировала наиболее радикальные экономические и социальные перемены в истории человечества, связанные с началом современного экономического роста [18–20]. Это яркий пример как огромного временно́го лага между ближайшими и отдаленными социально-экономическими последствиями эпохальной технологической инновации, каковой являлась технология выплавки и обработки железа (а затем стали), так и непредсказуемости таких последствий.

«Темные века» Средневековья

В конце II — начале III в. н. э. начался длительный кризис древних обществ, охвативший почти всю Евразию и составлявшую с ней экономически и политически единое целое Северную Африку, входившую в состав Римской империи. Как и кризис обществ бронзового века, он был обусловлен сочетанием ряда факторов: природно-климатических, эпидемиологических, демографических, экономических. Его характеристики хорошо известны [6–8], и их изложение не является предметом данной статьи. В рамках рассматриваемой темы следует отметить, что на большей части территории, занимаемой древними евразийскими цивилизациями, это был длительный и глубокий социально-экономический кризис, повлекший за собой значительные общественные трансформации. Эти трансформации позволили сохранить как главные достижения цивилизации, так и базовые общественные институты, стержнем которых был институт «власть-собственность». В то же время, на западе Евразии, в Западной Римской империи[1], кризис перешел в коллапс, приведший к полной трансформации общества, деурбанизации, возврату к натуральному хозяйству, резкому падению уровня грамотности и наступлению в Западной Европе новых «темных веков», охватывающих раннее европейское Средневековье (приблизительно V–X столетия).

Римская империя на пике своего развития (I–II вв.) была самой процветающей частью тогдашнего мира. Для нее были характерны высокий уровень урбанизации (примерно соответствующий уровню урбанизации Западной Европы начала XVIII в. [19]), товарная специализация регионов и межрегиональный обмен, основанный на хорошо развитых (по меркам Древнего мира) транспортных коммуникациях [20; 21], высокий (по тем же меркам) уровень грамотности населения [7].

[1] Римская империя разделилась на Восточную и Западную в конце IV века.

Исходя из оценок Э. Мэддисона [19], в начале нашей эры подушевой доход в Римской империи превышал среднемировой уровень на 22 %. Он был выше соответствующего показателя неримской Западной Азии на 14 %, а Индии и Китая — на 27 %. Учитывая, что для той эпохи не характерны высокие межрегиональные различия в уровнях экономического развития (они сформировались только в ходе модернизации XIX — начала XX вв.), указанные величины весьма значительны. С этими оценками согласуются оценки И. Моррриса, согласно которым уровень социального развития запада Евразии в первые века нашей эры примерно в 1,3 раза превышал уровень развития востока [7].

При этом различия подушевого дохода в разных частях самой Римской империи были значительнее межстрановых [19]. На общем фоне выделялась метрополия — Италия (Апеннинский полуостров), где подушевой доход был в 1,5 раза выше, чем в среднем по империи, и более чем в 1,8 раза выше среднемирового уровня. Это объяснялось не столько более развитым хозяйством Италии, сколько тем, что туда, прежде всего в столицу — Рим, со всей империи стекались военная добыча и административная рента, которые расходовались во многом на демонстративное и паразитическое потребление [22].

В III в. начался долгий кризис Римской империи. Ее «основанная на войне экономика претерпела упадок» [23, с. 332]. В условиях прекращения территориального расширения и сокращения военной добычи возник и усиливался финансовый дефицит. В то же время институциональные барьеры и транспортные ограничения делали невозможным значимое повышение эффективности производства, обеспечение экономического роста и финансовой сбалансированности на основе интенсификации хозяйственного развития. Государство для решения бюджетных проблем прибегало к чрезвычайным поборам, реквизициям и конфискациям. При этом усиливалось регулирование как хозяйственной

деятельности, включая контроль за ценами, так и всех сторон жизни граждан, последствием чего был социальный и экономический регресс. Основой частного успеха в это время стало не эффективное предпринимательство, а «ловкое использование привилегированного положения в государстве, чтобы в равной мере обмануть и истощить и народ, и государство» [21, с. 234].

Сформировавшиеся в греко-римском мире полисные институты управления, в Римской империи, раскинувшейся от Атлантики до Месопотамии, потеряли адекватность. Выход был найден в конце III — начале IV века в ориентализации, поначалу успешной в Восточной Римской империи, но впоследствии приведшей ее к застою и деградации. Падение же Западной Римской империи открыло дорогу к формированию принципиально иных институтов.

Почему же судьбы восточной и западной частей Римской империи сложились столь различным образом? Абстрагируясь от политических особенностей и субъективных факторов, обратимся к базовым экономическим условиям. Среднедушевой доход в европейских провинциях (без учета Греции), которые впоследствии и составили основу Западной Римской империи, был значительно ниже, чем в провинциях, вошедших в Восточную Римскую империю: на 15 % ниже, чем в Греции и Римской Азии, на 22 % ниже, чем в Египте — самой богатой из римских провинций. Крупнейшие за исключением Рима города империи располагались в восточных провинциях — Александрия в Египте, Антиохия в Сирии и Смирна в Малой Азии. Наиболее урбанизированной провинцией был Египет [19].

В Западной Римской империи имущественное неравенство было существенно выше, чем в Восточной: ее экономика сосредоточилась в руках небольшого числа наиболее влиятельных и богатых семейств, в то время как в нижней части социальной пирамиды находилась масса подневольных и бесправных крестьян, работав-

ших в изначально высокотоварных, но натурализовавшихся в процессе экономического регресса хозяйствах знати [22]. Это ускоряло процессы деурбанизации западной части империи, натурализации и демонетизации ее хозяйства. В восточной же части империи оставалось значительное количество независимых от крупных землевладельцев крестьян, которые производили излишки продукции, продавая их на городских рынках, что поддерживало местную торговлю и урбанизацию [24], обеспечивало сохранение специализации и устойчивости хозяйственной деятельности.

Таким образом, Западная Римская империя отличалась большей социально-экономической «хрупкостью», чем Восточная. И, в отличие от Восточной Римской империи, Западная не выдержала испытания кризисом и рухнула в V в., когда накопившиеся внутренние социально-экономические противоречия вступили в резонанс с нашествиями «варварских» племен. На ее территории начался период «темных веков» — раннего европейского Средневековья. Как и «темные века» Древнего мира, это был период регресса. На смену сложным социально-экономическим структурам Римской империи пришли раннегосударственные структуры «варварских» королевств, созданных на территории западной части империи; начавшиеся еще в римский период процессы деурбанизации и натурализации хозяйства были окончательно завершены формированием мира самодостаточных сельских общин; забрасывались и постепенно приходили в негодность великолепные римские дороги, что способствовало затуханию межрегиональных связей; камень в качестве строительного материала уступил место древесине; примитивизировались ремесленные изделия и произведения искусства; крайне низким стал уровень грамотности.

Ключевым показателем социально-экономического развития доиндустриальных обществ является уровень численности (и плотности) населения и его динамика

[25; 26]. В Римской империи депопуляция началась еще в III в., после того, как она прошла пик своего развития и вступила в период кризиса. Крушение Западной Римской империи, нашествия и хозяйственная примитивизация этот процесс усилили. В целом, население Европы к 700 г. снизилось более чем вдвое относительно «пикового» уровня 200 г., а его восстановление произошло лишь в XIII в. [10]. Столь медленное восстановление можно связать с тем, что, в отличие от «темных веков» Древнего мира, раннее Средневековье не принесло эпохальной инновации, подобной распространению железа, которая дала бы мощный импульс как экономическому, так и социальному развитию, а также демографическому росту. В то же время, крушение имперских структур сняло с общества и экономики невыносимое бремя олигархического и административного, прежде всего — налогового, давления и открыло возможности для постепенного прогрессивного развития.

Развитие это разворачивалось в рамках синтеза остатков римских структур и институтов с уже испытавшими римское влияние «варварскими» — так называемого «романо-германского синтеза» [27; 28]. Ключевым его результатом стало возникновение феодального общества, которое, как и античный полис, можно рассматривать в качестве важной социальной мутации [27]. В конце VIII — начале IX в. бóльшая часть Западной Европы была объединена в рамках империи Карла Великого. Хотя эта империя воспринималась своим создателем и его современниками как своего рода возрождение Западной Римской империи, она обладала очень слабой институциональной базой и распалась уже в середине IX в. [22]. Но именно в период ее существования сформировалось «ядро» феодализма.

Распад империи Карла Великого произошел не просто на составные части — королевства, «области или провинции, а до уровня поместья (феода)» [29, с. 93]. В Западной Европе наступила эпоха феодальной раздро-

бленности и массового строительства феодальных замков [28; 29]. Феодалы образовали так называемую «феодальную лестницу», в которой каждый из них (кроме монарха) был вассалом кого-то из вышестоящих феодалов и (кроме тех, кто находился в самом низу этой «лестницы») сеньором для каких-то нижестоящих феодалов (но только непосредственно для них, а не для их вассалов). Таким образом, политический суверенитет не сосредотачивался в едином центре, а был распределен по всей «феодальной лестнице» [28]. Сеньоров и вассалов связывали *взаимные* обязательства. «Такие отношения … закладывали основы правового сознания элиты, прививали ее членам восприятие себя суверенными личностями» [30, с. 118]. Важно, что отношения *взаимозависимости* связывали феодалов не только между собой, но и с крестьянами — основными производителями материальных благ: «воин-рыцарь и крестьяне связаны квази-контрактными отношениями: происходит обмен продуктов земледелия на услуги защитников» [31, с. 224]. Хотя отношения, существовавшие как между самими феодалами, так и, тем более, между феодалами и крестьянами, ни в коем случае нельзя идеализировать, следует подчеркнуть их значение как прообраза контрактных отношений, лежащих в основе современного общества.

Важно также, что крестьяне при феодализме сохраняли собственность на средства производства и были заинтересованы в повышении его эффективности [10; 28]. Это способствовало, уже начиная с раннего Средневековья, распространению ряда значимых инноваций, некоторые из которых были известны и в римскую эпоху, однако тогда не получили распространения вследствие низкой склонности античного общества к технико-технологическим инновациям (подробный анализ причин этого дан в [18]).

Среди важнейших экономически значимых инноваций, появившихся или начавших распространяться в Европе в раннем Средневековье [18], следует отметить:

– тяжелый плуг и трехпольную систему земледелия, существенно повысивших продуктивность сельского хозяйства — основы средневековой экономики;

– водяное колесо, позволявшее взамен мускульной силы людей или животных применять в хозяйстве энергию текущей воды;

– подковы для лошадей, позволявшие эффективно использовать вьючных лошадей при осуществлении коммерческих перевозок;

– новую конструкцию упряжи для лошадей, пятикратно увеличившую их тяговые возможности, что дало мощный импульс развитию гужевого транспорта — важнейшего вида сухопутного транспорта вплоть до появления железных и автомобильных дорог — и сыграло значимую роль как в сельском хозяйстве, так и в торговле.

Постепенное возрождение и развитие торговли и городов имело ключевое значение для социально-экономического прогресса Европы [28; 31; 32].

Таким образом, хотя в раннем Средневековье не появилось эпохальной инновации, подобной железу, социальная мутация — возникновение феодального общества — способствовала внедрению ряда базисных технологических инноваций, существенно повысивших хозяйственную эффективность[2]. Завершение к XI в.

[2] Исходя из [33; 34], эпохальной инновацией можно считать широко распространившееся в мире — с точки зрения как географии, так и сфер применения — нововведение, являющееся одним из главных источников долговременного экономического роста, а базисной — нововведение, являющееся основой революционного переворота и кардинального роста эффективности в конкретной области деятельности. Соответственно, использование железа, распространившееся по всему миру, охватившее практически все виды человеческой деятельности, оказавшее очень сильное влияние на развитие экономики и общества уже в древности, а впоследствии сыгравшее ключевую роль в промышленной революции конца XVIII — начала XIX в., положившей начало эпохе современного экономического роста, является эпохальной инновацией. А использование, например, отвального плуга, касающееся лишь одной из отраслей хозяйства и далеко не во всех регионах мира, можно отнести к числу базисных инноваций.

формирования феодализма, опирающегося на более совершенную технологическую базу, позволило в бывшей римской Европе практически восстановить численность населения пусть и не «пикового» II в., но вполне благополучных первых лет Римской империи [19]. Хотя подушевой доход при этом был еще существенно ниже, чем в начале нашей эры, произошло главное — раннее Средневековье, «темные века» завершились.

Новая экономика вполне сформировалась, она была достаточно жизнеспособной и эффективной и имела потенциал для дальнейшего развития, которое происходило динамично (по меркам традиционного общества) вплоть до кризиса XIV в., когда на диспропорции, появившиеся в развитии еще очень хрупкой денежной, рыночной экономики, наложилось сначала ухудшение климатических условий, приведшее к неурожаям и недоеданию, а затем, в середине XIV в., — Великая чума [22]. Все это привело к огромным демографическим и экономическим потерям. Но новые «темные века» не наступили. Система экономических отношений, социально-политические структуры и институты не были разрушены, не произошло примитивизации хозяйства, отката в прошлое культурного развития. Более того, в результате кризиса и его последствий (в частности, роста ценности рабочей силы в условиях сокращения численности населения) в Западной Европе произошла прогрессивная социально-экономическая трансформация: крестьяне освободились от личной зависимости; возросли заработные платы, что являлось стимулом внедрения трудосберегающих технических средств; ускорилось развитие денежной экономики [28]. Началось движение европейского общества к Новому времени. К концу XV в. подушевой ВВП в Западной Европе был уже на 30 % выше, чем в римской Европе начала нашей эры [19].

В дальнейшем, какие бы глубокие кризисы ни переживало человечество или отдельные регионы мира,

феномен «темных веков» больше не проявлялся. И это следствие не только ускорения исторического развития, благодаря которому все социально-экономические процессы, включая протекание кризисов и посткризисного восстановления, происходят быстрее, но и снижения «хрупкости» человеческой цивилизации. Примечательно, что несмотря на тяжелейший глобальный кризис 1914–1945 гг., вместивший две мировые войны и Великую депрессию в межвоенные годы, население мира в 1950 г. было на 41 % выше уровня 1913 г., а подушевой ВВП — на 38,5 % [19]. И этот рост произошел не только за счет регионов, менее затронутых катаклизмами. В Западной Европе значение соответствующих показателей составило 16,8 и 32,4 %, в Восточной — 10,2 и 24,5 %.

Заключение

Рассмотрев феномен «темных веков», нужно охарактеризовать их роль в истории экономики и общества. Развитие традиционного общества, основанного на институтах «власти-собственности», циклично [14; 27]. Хотя наставшее после «темных веков» Древнего мира «осевое время» было эпохой значительных перемен для всей Евразии [5], только в Греции — на периферии тогдашней цивилизованной ойкумены — произошла «социальная мутация» [14] и даже «культурный переворот» [13], ставшие базой для формирования основанного на частной собственности античного общества. Впоследствии на развалинах его западной части, в результате романо-германского синтеза произошла еще одна социальная мутация — сформировалось (в завершение «темных веков» раннего европейского Средневековья) феодальное общество, ставшее крупным шагом в направлении социально-экономической модернизации. Восточная же часть античного мира (Восточная Римская, Византийская империя), вернувшаяся к изначально присущим для традиционного общества

институтам, сохранилась почти на тысячелетие, постепенно угасая и не порождая никаких прорывов [17; 28].

Примечательно, что социальные мутации, имевшие долгосрочные прогрессивные последствия, оба раза происходили на периферии, в наименее развитых частях тогдашнего цивилизованного мира, причем после того, как их экономика и социальные структуры переживали деградацию и упрощались. В этом можно видеть своеобразный пример «преимущества отсталости», о котором в совершенно ином историческом контексте применительно к эпохе индустриализации писал А. Гершенкрон. По Гершенкрону, «преимущество отсталости» состоит в том, что «более отсталые страны могут воспользоваться… достижениями более развитых стран» и на этой основе обеспечить экономический рывок [35, с. 34]. «Темные века» показывают пример не столько заимствования достижений более развитых стран, сколько реализации социальных и экономических инноваций благодаря изменению траектории исторического движения, выбору нового маршрута, отличного от того, который присущ этим более развитым странам. То есть налицо не заимствование, а, наоборот, отторжение ключевых институтов, существовавших в более развитых в тот период странах. Но примечателен другой тезис Гершенкрона: «В ходе исторического развития взаимосвязи между явлениями могут не просто видоизменяться — они могут превращаться в свою противоположность» [там же, с. 387]. Если в обществе модерна «преимущество отсталости» заключается в возможности эффективного заимствования достижений более развитых стран, помогающих двигаться по пути прогрессивного развития, то в традиционном обществе, цикличном и застойном, преимущество отсталости состоит в противоположном — в возможности выйти из колеи цикличности, совершить модернизационный прорыв на основе «социальной мутации».

В периоды «темных веков» относительная отсталость Микенской Греции, Западной Римской империи от Передней Азии и Египта привела к большей «хрупкости» их экономик и социумов, переходу к более примитивному общественному устройству и, тем самым, к избавлению от давящих на экономику и не имеющих потенциала долгосрочного динамичного развития социально-экономических структур и институтов. Тем самым стало возможным формирование социально-экономических инноваций: в первом случае — античного полиса с присущей ему экономикой, основанной на частной собственности, во втором — феодального общества с распределенным характером имущественных прав и сложной системой взаимных обязательств между его субъектами — отдаленного прообраза современного контрактного, сетевого общества.

В отличие от экономических кризисов эпохи модерна, социально-экономические коллапсы и преодоление их последствий в периоды «темных веков» не просто устраняли накопившиеся анормальности и диспропорции в рамках существующей экономической системы и открывали возможности ее совершенствования и более эффективного развития, а приводили к эпохальным социально-экономическим инновациям, ставшим основой прорывных прогрессивных изменений в истории человечества.

Рассмотрение феномена «темных веков» — события не уникального, но и не происходящего периодически, позволяет уточнить понимание иных эпохальных событий в экономической истории, таких как промышленная революция, случившаяся в Британии в конце XVIII — начале XIX в. в результате особого сочетания ряда факторов [18; 36]. Она не произошла ни в Римской империи, ни в Средневековом Китае, где экономика также достигла высокого уровня развития, но, тем не менее, не сложилось сочетания всех усло-

вий, требуемых для промышленной революции [20; 21]. Отсюда возникает идея о том, что промышленная революция была событием действительно уникальным, которое могло произойти только в определенное время и в определенном месте — там и тогда, где и когда сложилось неповторимое сочетание необходимых и достаточных условий [36].

Феномен «темных веков» показывает, что схожие условия для непериодических, крайне редких, но имеющих эпохальное значение событий в социально-экономической истории могут возникать не единожды — в разное время и в разных местах. Собственно, об этом же свидетельствует неолитическая революция, которая произошла независимо в разных регионах мира, хотя во многие регионы распространилась путем заимствования [7].

Принципиальное отличие промышленной революции в том, что, к моменту ее свершения в Британии, мир был уже достаточно глобализован, и другие страны могли относительно легко воспользоваться «преимуществом отсталости» именно в том смысле, какой вкладывал в это понятие Гершенкрон, не дожидаясь формирования у себя полного сочетания условий, необходимых и достаточных для независимого осуществления промышленной революции. Именно поэтому Британская промышленная революция оказалась уникальным событием в экономической истории. Но ее фактическая уникальность не означает невозможности осуществления промышленной революции в другом регионе в другое время, в том случае, если бы в Британии соответствующее сочетание условий не сложилось, — не означает ее случайности. Она была закономерным результатом длительного экономического развития. Модернизационные прорывы и в Древнем Риме, и в средневековом Китае приближались к промышленной революции, но были недостаточными для ее свершения.

В Британии в конце XVIII в. все необходимые и достаточные условия наконец сложились, и промышленная революция произошла — единственный раз в мировой истории. Из этого не следует вывод, что, не свершись она там по каким-то причинам в то время, человечество навсегда осталось бы в плену «мальтузианской ловушки» и не вступило в эпоху современного экономического роста.

Итак, феномен «темных веков» свидетельствует о том, что эпохальные события социально-экономической истории, не являющиеся периодическими, в то же время не случайны и, в принципе, не уникальны. Они могут происходить при схожем сочетании действующих факторов в разных регионах мира в разное время. И этот вывод представляется важным для лучшего понимания всей истории человечества.

Список использованной литературы

1. Ле Гофф Ж. Стоит ли резать историю на куски? / Ж. Ле Гофф. — Санкт-Петербург : Евразия, 2018. — 188 с.

2. Андреев Ю.В. От Евразии к Европе. Крит и Эгейский мир в эпоху бронзы и раннего железа (III — начало I тыс. до н.э.) / Ю.В. Андреев. — Санкт-Петербург, 2002. — 862 с.

3. Всемирная история / отв. ред. В.А. Головина, В.И. Уколова. — Москва : Наука, 2011. — Т. 1. — 822 с.

4. Чайлд Г. Расцвет и падение древних цивилизаций. Далекое прошлое человечества / Г. Чайлд. — Москва : Центрполиграф, 2025. — 383 с.

5. Ясперс К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс. — Москва : Политиздат, 1991. — 527 с.

6. Дьяконов И.М. Пути истории: От древнейшего человека до наших дней / И.М. Дьяконов. — Москва : КомКнига, 2007. — 384 с.

7. Моррис И. Сравнительная история цивилизаций. Почему властвует Запад... по крайней мере, пока еще. Закономерности истории, и что они сообщают нам о будущем / И. Моррис. — Москва : Карьера Пресс, 2021. — 720 с.

8. Мосионжник Л.А. Антропология цивилизаций / Л.А. Мосионжник. — Кишинев : Высшая Антропологическая школа, 2006. — 468 с.

9. Шаму Ф. Цивилизация Древней Греции / Ф. Шаму. — Екатеринбург : У-Фактория ; Москва : АСТ, 2009. — 368 с.

10. Нуреев Р.М. Экономическая компаративистика (сравнительный анализ экономических систем) / Р.М. Нуреев. — Москва : КНОРУС, 2017. — 710 с.

11. Кембриджская история капитализма / под ред. Л. Нила, Д. Уильямсона. — Москва : Изд-во Ин-та Гайдара, 2021. — Т. 1. Подъем капитализма: от древних истоков до 1848 года. — 800 с.

12. Клайн Э.Х. 1177 год до н.э. Год, когда пала цивилизация / Э.Х. Клайн. — Москва : АСТ, 2018. — 320 с.

13. Зайцев А.И. Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н.э. / А.И. Зайцев. — Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 2000. — 320 с.

14. Васильев Л.С. Эволюция общества. Типы общества и их трансформация / Л.С. Васильев. — Москва : КДУ, 2011. — 206 с. — EDN QOMHMN.

15. Snodgrass A.M. The Dark Age of Greece / A.M. Snodgrass. — New York : Routledge, 2001. — 456 p.

16. История для экономистов / под общ. ред. А.Д. Некипелова, С.Н. Катырина. — Москва : АИРО–XXI, 2016. — Т. 1. — 928 с.

17. Мак-Нил У. Восхождение Запада: История человеческого сообщества / У. Мак-Нил. — Москва : Старклайт, 2004. — 1064 с.

18. Мокир Дж. Рычаг богатства. Технологическая креативность и экономический прогресс / Дж. Мокир. — Москва : Изд-во Ин-та Гайдара, 2014. — 504 с.

19. Мэддисон Э. Контуры мировой экономики в 1-2030 гг. : очерки по макроэкономической истории / Э. Мэддисон. — Москва : Изд-во Ин-та Гайдара, 2012. — 584 с.

20. Мачерет Д.А. Транспортный фактор формирования эпохи современного экономического роста / Д.А. Мачерет. — DOI 10.18288/1994-5124-2019-1-154-179. — EDN YYFXCP // Экономическая политика. — 2019. — Т. 14, № 1. — С. 154–179.

21. Ростовцев М.И. Общество и хозяйство Римской империи / М.И. Ростовцев. — Санкт-Петербург : Наука, 2001. — Т. 2. — 413 с.

22. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада / Ж. Ле Гофф. — Екатеринбург : У-Фактория, 2005. — 560 с.

23. Коллинз Р. Макроистория: Очерки социологии большой длительности / Р. Коллинз. — Москва : ЛЕНАНД, 2015. — 504 с. — EDN USHTOX.

24. Браун П. Мир поздней античности: 150-750 гг. н.э. / П. Браун. — Москва : Новое лит. обозрение, 2024. — 256 с.

25. Мачерет Д.А. Роль плотности, мобильности населения и перемещения материальных благ в разных концепциях экономического роста / Д.А. Мачерет. — DOI 10.52342/2587-7666VTE_2021_4_50_78. — EDN YGNSKJ // Вопросы теоретической экономики. — 2021. — № 4 (13). — С. 50–78.

26. Галор О. Путь человечества. Истоки богатства и неравенства / О. Галор. — Москва : АСТ, 2022. — 336 с.

27. Семенов Ю.И. Происхождение и развитие экономики: От первобытного коммунизма к обществам с частной собственностью, классами и государством (древневосточному, античному и феодальному) / Ю.И. Семенов. — Москва : КРАСАНД, 2014. — 720 с.

28. Андерсон П. Переходы от античности к феодализму / П. Андерсон. — Москва : Территория будущего, 2007. — 288 с.

29. Завалько Г.А. Культура феодального общества / Г.А. Завалько. — EDN VVHYWJ // Философия и общество. — 2015. — № 1-2 (76). — С. 92–115.

30. Заостровцев А.П. Московия и Великое княжество Литовское: институциональная конкуренция как пролог глобального столкновения цивилизаций / А.П. Заостровцев. — DOI 10.31857/S086904990004456-3. — EDN VWZNOM // Общественные науки и современность. — 2019. — № 2. — С. 115–129.

31. Гайдар Е.Т. Долгое время. Россия в мире : очерки экономической истории / Е.Т. Гайдар. — Москва : Дело, 2005. — 656 с.

32. Hodges R. Dark Age Economics: A New Audit / R. Hodges. — London : Bristol Classical Press, 2012. — 176 p.

33. Кузнец С. Современный экономический рост: результаты исследований и размышления (Нобелевская лекция 11 декабря 1971 г.) / С. Кузнец // Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков. —Москва, 2004. — Т. 5, кн. 1. — С. 106–123.

34. Яковец Ю.В. Ускорение научно-технологического прогресса: теория и экономический механизм / Ю.В. Яковец. — Москва : Экономика, 1988. — 335 с.

35. Гершенкрон А. Экономическая отсталость в исторической перспективе / А. Гершенкрон. — Москва : Дело, 2015. — 536 с.

36. Аллен Р. Британская промышленная революция в глобальной картине мира / Р. Аллен. — Москва : Изд-во Ин-та Гайдара, 2014. — 448 с.

References

1. Le Goff J. *Faut-il vraiment l`histoire decouper en tranches?* Paris, 2014. (Russ. ed.: Le Goff J. *Should we Really Cut the Story into Slices?* Saint Petersburg, Evraziya Publ., 2018. 188 p.).

2. Andreev Yu.V. *From Eurasia to Europe: Crete and the Aegean World in the Bronze Age and Early Iron Age (Third – Early First Millennium BC).* Saint Petersburg, 2002. 862 p.

3. Golovina V.A., Ukolova V.I. *World History*. Moscow, Nauka Publ., 2011. Vol. 1. 822 p.

4. Childe G. *What Happened in History*. New York, Penguin Books, Ltd., 1942. 256 p. (Russ. ed.: Childe G. *The Rise and Fall of Ancient Civilizations: Humanity's Distant Past.* Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2025. 383 p.).

5. Jaspers K. *The Origin and Goal of History*. New Haven, Yale University Press, 1953. 294 p. (Russ. ed.: Jaspers K. *The Origin and Goal of History*. Moscow, Politizdat Publ., 1991. 527 p.).

6. Diakonoff I.M. *Paths of History: From the Earliest Humans to the Present Day.* Moscow, KomKniga Publ., 2007. 384 p.

7. Morris I. *Why the West Rules– for Now: the Patterns of History, and what they reveal about the Future*. Toronto, McClelland & Stewart, 2010. 750 p. (Russ. ed.: Morris I. *Comparative History of Civilizations. Why the West Rules– for Now: the Patterns of History, and what they reveal about the Future.* Moscow, Karera Press Publ., 2021. 720 p.).

8. Mosionzhnik L.A. *Anthropology of Civilizations.* Kishinev, Vysshaya Antropologicheskaya shkola Publ., 2006. 468 p.

9. Chamoux F. *The Civilization of Greece*. London, Allen and Unwin, 1965. 395 p. (Russ. ed.: Chamoux F. *The Civilization of Greece*. Ekaterinburg, U-Faktoriya Publ., Moscow, AST Publ., 2009. 368 p.).

10. Nureev R.M. *Comparative Economics (A Comparative Analysis of Economic Systems).* Moscow, Knorus Publ., 2017. 710 p.

11. Neal L., Williamson J.G. (eds). *The Cambridge History of Capitalism. Volume 1. The Rise of Capitalism: from Ancient Origins to 1848*. Cambridge University Press, 2014. (Russ. ed.: Neal L., Williamson J.G. (eds). *The Cambridge History of Capitalism*. Moscow, E.T. Gaidar Institute for Economic Policy Publ., 2021. Vol. 1. 800 p.).

12. Cline E.H. *1177 B.C. : the Year Civilization Collapsed*. Princeton University Press, 2014. 237 p. (Russ. ed.: Cline E.H. *1177 B.C.: the Year Civilization Collapsed*. Moscow, AST Publ., 2018. 320 p.).

13. Zaitsev A.I. *The Cultural Revolution in Ancient Greece, Eighth–Fifth Centuries BC.* Saint Petersburg State University Publ., 2000. 320 p.

14. Vasilev L.S. *The Evolution of Society. Types of Society and Their Transformation*. Moscow, KDU Publ., 2011. 206 p. EDN: QOMHMN.

15. Snodgrass A.M. *The Dark Age of Greece*. New York, Routledge, 2001. 456 p.

16. Nekipelov A.D., Katyrin S.N. (eds). *History for Economists*. Moscow, AIRO-XXI Publ., 2016. Vol. 1. 928 p.

17. McNeill W. *The Rise of the West: a History of the Human Community*. Chicago, University of Chicago Press, 1963. 851 p. (Russ. ed.: McNeill W. *The Rise of the West: a History of the Human Community*. Moscow, Starklait Publ., 2004. 1064 p.).

18. Mokyr J. *The Lever of Riches*. New York, Oxford University Press, 1990. 375 p. (Russ. ed.: Mokyr J. *The Lever of Riches*. Moscow, E.T. Gaidar Institute for Economic Policy Publ., 2014. 504 p.).

19. Maddison A. *Contours of the World Economy, 1-2030 AD : Essays in Macro-Economic History*. New York, Oxford University Press, 2007. 418 p. (Russ. ed.: Maddison A. *Contours of the World Economy, 1-2030 AD : Essays in Macro-Economic History*. Moscow, E.T. Gaidar Institute for Economic Policy Publ., 2012. 584 p.).

20. Macheret D.A. The Transport Factor of Formation of the Era of Modern Economic Growth. *Ekonomicheskaya politika = Economic Policy*, 2019, vol. 14, no. 1, pp. 154–179. (In Russian). EDN: YYFXCP. DOI: 10.18288/1994-5124-2019-1-154-179.

21. Rostovtzeff M. *Gesellschaft und wirtschaft im Römischen kaiserreich*. Leipzig Verlag von Quelle & Meyer, 1931. (Russ. ed.: Rostovtzeff M. *Society and Economy of the Roman Empire*. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2001. 413 p.).

22. Le Goff J. *La civilisation de l'Occident médiéval*. Paris, Arthaud, 1984. 510 p. (Russ. ed.: Le Goff J. *The Civilization of the Medieval West*. Ekaterinburg, U-Faktoriya Publ., 2005. 560 p.).

23. Collins R. *Macrohistory: Essays in Sociology of the Long Run*. Stanford University Press, 1999. 312 p. (Russ. ed.: *Macrohistory: Essays in Sociology of the Long Run*. Moscow, LENAND Publ., 2015. 504 p.).

24. Brown P. *The World of Late Antiquity, AD 150-750*. London, Thames and Hudson, 1971. 223 p. (Russ. ed.: Brown P. *The World of Late Antiquity, AD 150-750*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2024. 256 p.).

25. Macheret D.A. Role of Population Density, Mobility and the Movement of Material Goods in Different Concepts of Economic Growth. *Voprosy teoreticheskoi ekonomiki = Theoretical Economics*, 2021, no. 4, pp. 50–78. (In Russian). EDN: YGNSKJ. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2021_4_50_78.

26. Galor O. *The Journey of Humanity: The Origins of Wealth and Inequality*. Penguin Publishing Group, 2022. 304 p. (Russ. ed.: Galor O. *The Journey of Humanity: The Origins of Wealth and Inequality*. Moscow, AST Publ., 2022. 336 p.).

27. Semenov Yu.I. *The Origin and Development of the Economy: From Primitive Communism to Societies Based on Private Property, Social Classes, and the State (Ancient Eastern, Classical, and Feudal Societies)*. Moscow, KRASAND Publ., 2014. 720 p.

28. Anderson P. *Passages from Antiquity to Feudalism*. London, New York, Verso, 1978. 304 p. (Russ. ed.: Anderson P. *Passages from Antiquity to Feudalism*. Moscow, Territoriya budushchego Publ., 2007. 288 p.).

29. Zavalko G.A. Culture of Feudal Society. *Filosofiya i obshchestvo = Philosophy and Society*, 2015, no. 1-2, pp. 92–115. (In Russian). EDN: VVHYWJ.

30. Zaostrovtsev A.P. Muscovy and the Grand Duchy of Lithuania: Institutional Competition as a Prologue to the Global Clash of Civilizations. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' = Social Science and Modernity*, 2019, no. 2, pp. 115–129. (In Russian). EDN: VWZNOM. DOI: 10.31857/S086904990004456-3.

31. Gaidar E.T. *A Long Time: Russia in the World. Essays on Economic History*. Moscow, Delo Publ., 2005. 656 p.

32. Hodges R. *Dark Age Economics: a New Audit*. London, Bristol Classical Press, 2012. 176 p.

33. Kuznets S. Modern Economic Growth: Findings and Reflections (Nobel Lecture, December 11, 1971). In *World Economic Thought Through the Ages*. Moscow, 2004. Vol. 5, bk. 1, pp. 106–123. (In Russian).

34. Yakovets Yu.V. *Accelerating Scientific and Technological Progress: Theory and Economic Mechanisms*. Moscow, Ekonomika Publ., 1988. 335 p.

35. Gerschenkron A. *Economic Backwardness in Historical Perspective: a Book of Essays*. Harvard University Press, 1962. 475 p. (Russ. ed.: Gerschenkron A. *Economic Backwardness in Historical Perspective*. Moscow, Delo Publ., 2015. 536 p.).

36. Allen R. *The British Industrial Revolution in Global Perspective*. Cambridge University Press, 2009. 331 p. (Russ. ed.: Allen R. *The British Industrial Revolution in Global Perspective*. Moscow, E.T. Gaidar Institute for Economic Policy Publ., 2014. 448 p.).

Информация об авторе

Мачерет Дмитрий Александрович — доктор экономических наук, профессор, кафедра экономики транспортной инфраструктуры и управления строительным бизнесом, Российский университет транспорта (МИИТ), 127994, Рос-

сийская Федерация, г. Москва, ул. Образцова, 9, стр. 9; e-mail: macheretda@rambler.ru. https://orcid.org/0000-0002-1322-3030; SPIN-код: 9138-4634; AuthorID РИНЦ: 380766.

Author

Dmitriy A. Macheret — D.Sc. in Economics, Professor, Department of Economics of Transport Infrastructure and Construction Business Management, Russian University of Transport (MIIT), 9, Building 9, Obraztsova Str., Moscow, 127994, the Russian Federation; e-mail: macheretda@rambler.ru. https://orcid.org/0000-0002-1322-3030; SPIN-Code: 9138-4634; AuthorID RSCI: 380766.

Для цитирования

Мачерет Д.А. «Темные века» Древнего мира и Средневековья и их роль в социально-экономической истории / Д.А. Мачерет. — DOI 10.17150/2308-2488.2026.27(4).601-631. — EDN GUQYGD // Историко-экономические исследования. — 2026. — Т. 27, № 4. — С. 601–631.

For Citation

Macheret D.A. The “Dark Ages” of Antiquity and the Middle Ages and Their Role in Socioeconomic History. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya = Journal of Economic History & History of Economics*, 2026, vol. 27, no. 4, pp. 601–631. (In Russian). EDN: GUQYGD. DOI: 10.17150/2308-2488.2026.27(4).601-631.